

Инвариантность мышления и проективность понимания

О. И. ТАРАСОВА

(ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ) *

Человек, подчиненный сущности техники, при переходе от устного типа мышления к письменному вынужден изменить способ осмысления бытия. Опасный поворот от разума к техническому интеллекту связан с тем, что естественный аналоговый и переменный способ мышления, свойственный человеку, трансформируется в дискретно-мозаичную, однозначную, линейную техническую и информационную рациональность. Инвариант — это простейшее аналоговое структурно-символическое преобразование в феномене одновременности.

Ключевые слова: инвариант, мышление, понимание, метафора, символ, знак, техника, письменность.

Invariance of Thinking and Projectivity of Understanding

O. I. TARASOVA

(YELETS STATE UNIVERSITY)

Human being, subordinated to the essence of technics while transition from oral type of thinking to the written one, is compelled to change his/her way of life comprehension. The dangerous turn from reason to technical intelligence is connected with the fact that the natural analog and variable way of thinking peculiar to person is being transformed into a discrete-mosaic, unequivocal, linear technical and information rationality. Invariant is the elementary analogous structurally symbolical transformation in the phenomenon of simultaneity.

Keywords: invariant, thinking, understanding, metaphor, symbol, sign, technics, writing.

Только человек способен осмыслить веч- но изменчивую жизнь в феномене одно- временности. Сущность противоречия меж- ду человеком и техническими системами в том, что они используют принципиально разные способы работы с информацией: для человека характерен аналоговый способ обработки информации, когда сигнал непре- рывно изменяется от одного значения к дру- гому, а для компьютеров характерна цифро- вая логика — сигнал может принимать лишь несколько определенных значений. Число этих значений может быть чрезвычайно ве- лико, но принципиальное отличие остае- тся — компьютер даже теоретически не мо- жет абсолютно точно отразить все многооб- разие человеческого отношения к миру, вос- произвести логику человеческого мышления и осмысленной человеческой речи, основан- ной на употреблении метафор.

С точки зрения М. Хайдеггера, человек, «мыслящая сущность, открытая бытию», которое ничем техническим не является, подчинена скрытой сущности техники. Основная опасность заключается в том, что «бытие в забывании своего существа отворачивается от этого существа и тем самым обо- рачивается против истины своего существа. В сфере опасности правит этот еще не осмысленный поворот» (Хайдеггер, 1993: 255). Под фундаментальным воздействием суще- ства техники происходит формализация мышления: от постижения сущности бытия к операциональным навыкам «потребляю- щего истребления мира» (М. Хайдеггер). Исчезают люди, способные понимать, осмыслить, осознавать происходящее вне го- товых и стереотипных смыслообразных структур, вне готового знания, готовых кон- цепций и заданных идеологем, способные

* Тарасова Ольга Игоревна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Тел.: (47467) 6-06-64. Эл. адрес: ol.tar@mail.ru

думать не только при помощи «приобретенных операциональных навыков», а самостоятельно и творчески.

Теорема К. Гёделя «о неполноте формальных систем» имеет не только узкоматематическое, но и онтологическое значение. Согласно ей любая конечная система правил и предписательных процедур оказывается недостаточной для исчерпывающего обеспечения любого практического процесса, который включает в себя скрытые, не эксплицируемые послышки, которые никакой кодификатор предусмотреть и исчислить не в состоянии. Опасный «поворот» — это подчинение сущности техники и неосознанный процесс упрощения мышления и осознанности бытия: от полноты понимания к утрате «фактора понимания» (А. А. Зиновьев), к неполноте формальных систем и предельной формализации программируемой социотехнической (социокибернетической) системы.

Ю. М. Лотман подчеркивал: «Может показаться парадоксом, что появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» (Лотман, 2000: 367). С этим упрощением связана утрата целостности мышления, деактуализация понимания, деградация творческих навыков и общей художественной одаренности человека, гипертрофированное развитие «технического интеллекта» (М. Шелер) и односторонней техно-информационной, формальной рациональности.

Письменность — основа всех иных технологий западной культуры. Искусство письменности — это источник фундаментального принуждения к техническому способу мышления и исчислению бытия. В пространстве устной культуры, до изобретения и интериоризации технологии письменности, одновременно и носителем информации, и инструментом обработки информации был человеческий мозг. Письмо дифференцирует синкретический процесс мышления на (внешние) «носители информации» (функции памяти) и на операциональные навыки «обработки информации» (феномен понимания). Переход от устности к письменности

приводит к появлению не известного устной культуре «неравенства в творчестве» и неравенства в самой возможности умственных усилий. И одновременно — к письменному типу равенства перед знаком и потребительской стоимостью. При «творческом неравенстве» происходит функциональное разделение участников творческого процесса на «создание — трансляцию — восприятие», появление массовой потребительской «публики». Возникают двусубъектные формы (схемы) деятельности, в которых «один выполняет функции памяти — программирует через слово деятельность, «разумно движет, оставаясь неподвижным», а другой (или другие) — реализует заданную в слове программу в дело, «разумно движется, оставаясь неразумным» (Петров, 1996: 51). В дальнейшем, как отмечает С. С. Неретина, универсально-понятийный западноевропейский тип культуры связан с расщеплением прежде единой деятельности на программирующую и исполнительную, каждая из которых институционализируется и становится социально значимой.

Уникальность фонетического алфавита не в изобретении новой знаковой системы, а в принятии чисто алфавитной системы, где один бессмысленный звук соответствует одному бессмысленному знаку. М. Хайдеггер, в связи с интериоризацией фонетической технологии в эпоху античности, отмечал, что «превращение знака из указания в обозначение покоится в изменении сущности истины» (Хайдеггер, 1993: 261). Это соотношение «1:1» — принцип «принудительного дифференцирующего соответствия», «однозначного означения» оказывает жесткое фундаментальное принуждение в силу своей технической сущности, а последствия этой технологии непрерывно искажают бессознательно воспринимаемые модели и отношения. Письменность — источник фундаментального технического принуждения. Фонетическая технология основана на диссоциации чувств и утрате полноты восприятия, что создает новую способность бесчувственного интеллекта «действовать не во-

влекаясь». При отсутствии динамического полимодального синтеза всех форм опыта исчезает творческая способность к метафоре и реализуется фундаментальное принуждение к дискретному и линейному мышлению. Опасный поворот от разума к техническому интеллекту связан с тем, что естественный аналоговый и переменный способ мышления, свойственный человеку, трансформируется, переучивается в дискретно-мозаичную, однозначную, линейную техно-информационную рациональность. Смена типа рациональности и техническое порабощение воображения (Г. Маркузе) формируют ситуацию информационно-образной наркомании и перспективу бесконечного потребления готовых имиджей, виртуальных реальностей и симулякров бытия.

Когда превращение устной ментальности в письменную достигает определенного уровня, фундаментальное принуждение к искусственному технологическому способу мышления и миропонимания начинает восприниматься как «естественное» и «врожденное». Поэтому и Маклюэн, и Бодрийяр неоднократно подчеркивают, что воздействие технологии письменности, последствия технологий «не позволяют себя видеть на уровне мнений и понятий, но искажают непрерывно и бессознательно воспринимаемые отношения и модели» (Бодрийяр, 2006: 160).

Закономерен вопрос, в чем заключается специфика внеалфавитного типа мышления? Каким образом можно выразить иную, «символическую», «метафорическую рациональность» вне подчинения мысли существу техники? Эта логика может быть выражена соотношением « $1 \equiv \infty$ » («один к бесконечности», «единица как бесконечность»). Этот принцип, в частности, используется в музыке в качестве так называемого «энгармонизма» (от греческого $\epsilon\nu\alpha\rho\mu\omicron\nu\omicron\varsigma$ — согласный, созвучный, стройный). Энгармонизм — равенство по высоте различных по написанию звуков, тональностей, обладает двойственностью, являясь выражением и функционально-го тождества, и функционального неравенст-

ва. Энгармонизм, основной прием обеспечивающий «состояние переводимости», в том смысле, на который указывает В. В. Библихин: «Перевод в наиболее общем смысле есть явление человеческого языка, а не человеческого разноязычия... способ существования общечеловеческого языка — переводимость частных языков» (Библихин, 2001: 227).

Устность отличается от письменности не технически, а типологически. *Устность* — это не способ произнесения, а способ осмысления бытия. Это способ творчества, хранения и актуализации всего поля смыслообразов культуры и глубины миропонимания. Устность — это совокупность способов создания, функционирования, хранения, наследования, обучения, передачи, восприятия, понимания, осмысления, осознания. Эти способы органичны и универсальны для всей традиционной культуры, они включены в процесс жизнедеятельности и синкретичны структурам повседневности. Основной массив знаний, представлений о мире, нормы поведения осваиваются, переживаются, органично и неформально (Путилов, 2003: 49–50).

Вариативность, изменчивость — онтологичны. «Варьирование как атрибут жизни может быть оценено не только биологически, но и в известной степени эстетически — как виртуозное проявление бытия» (Путилов, 2003: 203). Человек постигает сущность жизни в «инвариантной структуре по эссенциальным характеристикам» (М. Шелер). «Всякая *сущность* в мире и в тех операциях, с помощью которых человек строит проект своего мира и понимает мир, — подлинный прафеномен и идея: это все то, что остается константным, если отвлечься от случайного распределения вещей и актов во времени и пространстве, — все это полагает объяснениям позитивной науки непреодолимую границу» (Шелер, 1994: 7–9). Способность постижения сущего в инвариантных структурах составляет отличительную особенность живого человеческого мышления — каждый раз ходить новой, еще нехоженой, уникальной и самобытной тропой мысли. И мы всегда пониманием *иначе*, если вообще понима-

ем (Г.-Г. Гадамер). Инвариантность мышления и понимания заложены в генотип устности всех культур мира, поскольку живое человеческое мышление связано с аналоговыми преобразованиями в феномене одновременности. Уловить изменчивость и фундаментальную вариативность бытия в феномене одновременности возможно при помощи переносных смыслов, тропов, метафор как простейших динамических аналоговых преобразований. Инвариант — это категория значительной степени обобщения, динамическая категория, ориентированная на обнаружение максимума скрытых возможностей всего спектра бытийной вариативности. Инвариантность определяет «границы» вариативности в ситуации ненарушенной меры типологического подобия и идентичности. Как показано в работах Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, И. И. Земцовского и др., вариативность связана с категорией устойчивости, и варьировать можно нечто обладающее константными характеристиками. Варьирование невозможно без стабильности, постоянства, устойчивости. При этом фактор повторяемости — важнейший фактор, а точность повтора — второстепенна. Суть вариативность в динамическом соотношении двух этих сторон. Техническое принуждение дифференцирует единство соотношения постоянства и изменчивости на статику тиражируемого стереотипа и на его основе создание «ада того же самого», и на тщетные поиски «инновационного мышления», которое в конечном итоге основывается на «развитии креативного начала в человеке», «высоком интеллектуальном уровне» и «социальной зрелости». В устном типе мышления, — где нет падения творческих импульсов на полюсе восприятия, где понимание со-бытийных смыслообразов есть творческая интерпретация, а восприятие задается мерой инвариантности, мерой или «интервалом подобия» допустимых инвариантных преобразований — традиционность (постоянство) и новаторство (изменчивость) существуют в синкретическом единстве, обеспечивая традиции бытийную устойчивость и типоло-

гическую преемственность. Ж. Бодрийяр отмечает, что современное общество живет не среди возрастания, но среди неестественных наростов, возникающих в результате нарушенного символического обмена.

Инвариант как «система изменчивых трансформаций» не имеет фиксированной точки отсчета. Все его варианты не возводимы к первообразу. Каждый вариант это не видоизмененная копия, а скорее разновидность, некая комбинация заложенных возможностей, не нарушающая меру допустимой изменчивости. «Конкретные проявления соционормативной практики возводимы как варианты не к некоему первичному, однажды изготовленному, открытому образцу-«первоисточнику», но к некоему общему типу. Варьируется не первый предмет, но тип, совокупность традиционных, устойчивых признаков предметов или явлений» (Путилов, 2003: 202).

Понимание и мышление — это дело человека в бытии. Невозможность инварианта к первообразу связана с опытом предпонимания — опытом целого, дающегося мыслящей сущности, открытой бытию. Онтологический характер понимания предваряет всякую человеческую деятельность в качестве предпонимания. Предвосхищающе-охватывающее понимание целого всегда есть превосхождение к миру. Опыт предпонимания мира, опыт предвосхищающей осознанности целого связан с тем, что М. Хайдеггер называет проективным характером понимания и связывает его со спецификой поэтического мышления как основной альтернативой исчислению бытия. Всякое понимание обладает открытостью и проективным характером. Понимание — движение трансцендирования, возвышения над сущим. Понимание имеет экзистенциальную структуру, которая имеет характер «наброска», «плана». Этот план есть экзистенциальная бытийная устроенность арены фактического можествования. Характер наброска, присутствующий пониманию, значит, что оно не охватывает тематически то, в направлении чего оно набрасывает, а именно возможности. Благода-

ря характеру наброска здесь бытие постоянно «больше» того, что оно фактически есть, если бы его захотели зарегистрировать как наличное в его бытийном составе (Хайдеггер, 2008: 469–470).

Инвариантность — открытость всевозможности и бесконечному. Аналогично и символ, как динамическая инвариантная структура, особая конструирующая и порождающая модель, возводима не к первообразу, а к константной идее/образу. По мысли А. Ф. Лосева, символ вещи есть ее закон, ее структура и ее тождество (Лосев, 1991: 272–273). Важнейшей особенностью символа является то, что он проникает на все уровни бытия, позволяет «метафизически охватить целый ряд явлений разного уровня. Если ограничить рассмотрение символа одним уровнем, он вырождается в знак, имеющий ограниченную сферу применения» (Абрамов, 2006: 76).

Показать свое понимание можно только посредством перевода в другие символы либо в действие (Л. Витгенштейн). Постигание сущности жизни в инвариантных структурах составляет особенность того умственного действия, которое М. Хайдеггер называет «ведать». Ведать — это умение держать в умозрительном предположении самостоятельно генерируемый смыслообраз, структурно-символическую аналогию в состоянии динамической переводимости, всю инвариантную структуру, не возводимую к первообразу, как проект экзистенциального существования.

Процесс упрощения семиотической структуры культуры оборачивается массовой гомогенизацией, стандартизацией, унификацией. Однако без многообразия, без наличия культурных альтернатив культура теряет запас «информационной изменчивости» на будущее и способность к адаптации. Открывается возможность «косвенного геноцида» (Ю. В. Черновицкая), опасность необратимых изменений и утраты устойчивости общности людей. Осознавая опасные тенденции нашего времени, не создавая мировой схематики и не упуская из виду осо-

бенностей разнообразных обществ и культур, необходимо осознать идею экзистенциального единства мира, когда «одно не затмевает другое, а оттеняет его красоту» (Т. П. Григорьева). И предотвратить те сдвиги, которые ведут к тиражированию первообразца (унификации) и «сумме интеграций» (глобализации), вернуться к интегративной конфигурации универсалий различных культур (Неретина, 2006: 969). Техно-информационная модель рациональности — не единственная форма рациональности. Вопрос о том, как освободить мышление от фундаментального принуждения существом техники, вернуться от «технического интеллекта» (М. Шелер) к живому мышлению, остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов, М. Г. (2006) Знак и символ // Человек. № 3. С. 72–79.
- Бибихин, В. (2001) Слово и событие. М. : Эдиториал УРСС.
- Бодрийяр, Ж. (2006) Общество потребления. Его мифы и структура. М. : Культурная революция ; Республика.
- Лосев, А. Ф. (1991) Логика символа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат. С. 247–274.
- Лотман, Ю. М. (2000) Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство. С. 363–371.
- Неретина, С., Огурцов, А. (2006) Пути к универсалиям. СПб. : РХГА.
- Петров, М. К. (1996) Историко-философские исследования. М. : Наука.
- Путилов Б. Н. (2003) Фольклор и народная культура. In memogram. СПб. : Петербургское Востоковедение.
- Хайдеггер, М. (2008) Бытие и время // Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Академический проект. С. 446–519.
- Хайдеггер, М. (1993) Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика.
- Шелер, М. (1994) Избранные произведения. М. : Гнозис.